

Павел Рябцев
Глеб Бенисович

REBIS

Павел Рябцев

Rebis

«Издательские решения»

Рябцев П.

Rebis / П. Рябцев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838150-8

Ребис — герой нашего времени, современный человек, являющийся, с одной стороны, центром процесса глобализации, но, с другой, имеющий внутренний психологический конфликт, присущий всему современному обществу. Уверенный в себе, успешный, независимый, но в то же время разочарованный, а оттого уязвимый, он обречен на вечное несоответствие возможного и желаемого, существующего и идеального.

ISBN 978-5-44-838150-8

© Рябцев П.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	19
Глава 5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Rebis

Павел Рябцев
Глеб Бенисович

© Павел Рябцев, 2017

© Глеб Бенисович, 2017

ISBN 978-5-4483-8150-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Рука коснулась кнопки трезвонящего будильника. Пробуждение никогда не давалось ему легко. Он всегда искал предлог, чтобы хоть ненадолго задержаться в кровати. Вот и сейчас, он еще не успел открыть глаза, как рука сама потянулась за сигаретой. Этот простой способ помогал ему выкрасть у наступившего дня еще несколько минут безмятежности; задержаться на это время в мире грез, перебирая в памяти сны сегодняшней ночи.

Щелчок зажигалки. Затяжка. Потрескивание табака. Небольшая пауза. Ощущение легкости. Выдох. Приятная горечь во рту. Белый густой дым поднимается к потолку.

Покончив с сигаретой, он набрал номер телефона рум-сервиса. На другом конце провода его поприветствовал приятный женский голос.

– Я хотел бы заказать завтрак в номер 1140. Круассан, черный кофе и фрукты, – медленно проговорил он, протирая глаза.

– Конечно, сэр.

– Надеюсь, там будет виноград. Понимаете?

– Конечно, сэр.

– Можете не торопиться, – он повесил трубку.

Потянувшись всем телом и глубоко вздохнув, он поднялся с постели и направился в душ.

После сна, отдохнувшее тело, тонко чувствует любое, даже малейшее раздражение. Едва слышный шорох режет слух, словно назойливый шум. Разница температур вызывает дрожь, мурашки бегут по коже.

Он отдался ощущениям. Теплая вода ласкала кожу. Аромат геля щекотал в носу. Он прислонил руку к холодной стене. Струйки воды, стекая по телу, вместе с мыльной пеной уносили с собой остатки сна. Острота ощущений притуплялась с каждым вдохом. Постепенно ее место занимала логика. И вот он уже планирует сегодняшний день: кому нужно сделать звонки, не забыть переговорить с шефом, отправить отчет в Италию. Да, он окончательно проснулся.

В дверь постучали. «Ваш завтрак, сэр», – услышал он. «Дьявол! Я же просил не торопиться», – раздраженно думал он. Высунувшись из ванной, он крикнул, что можно войти. Горничная вкатила столик с завтраком в номер и поспешила уйти.

Он вышел из душа, завернувшись в полотенце. Осталось двадцать минут до выхода. Он быстро справился с круассаном и чашкой кофе и начал одеваться. Костюм был приготовлен со вчерашнего вечера. «Как всегда безупречный», – хвалил он себя, улыбаясь собственному отражению. Больше всего в своей внешности он ценил взгляд – горделивый и уверенный.

Сорвав с грозди винограда пару ягод, он вышел из номера.

В такси он протянул водителю визитную карточку с адресом фирмы. Тот отреагировал протяжным «Оу кей», и машина тронулась. Устраиваясь на заднем сиденье, он произнес вслух с сарказмом: «Не может нормально сказать такое простое слово. Азиаты».

Через десять минут он поднимался на тридцать второй этаж небоскреба Интернешнл Билдинг¹. В офисе к тому времени рабочий день уже начался.

В дверях офиса я столкнулся с Роксаной. Она, наверное, уже успела проверить почту и отправить отчет в головной офис.

– Привет, Рэбис! Я сегодня буду заказывать канцелярию. Тебе что-нибудь нужно? – торопливо проговорила она, мило улыбнувшись.

---

¹ **Интернешнл Билдинг** (International Building) – бизнес центр в Тяньцзине, офисы в котором, арендованы преимущественно европейскими компаниями.

– Милая Роксана, я не использую в своей работе скрепки, степлер и прочую офисную дребедень. Все, что мне нужно, – так это вдохновение и ручка.

– Да ну тебя. Пойду, лучше займусь делом. Увидимся.

Роксана – единственная из нашего офиса, о ком я хоть что-то знаю. Мы вместе летели из Италии в Китай.

Молодая француженка двадцати пяти лет. Как и все француженки, милая, кокетливая, мягкая, как свежий багет, но, в то же время, может отправить на гильотину любого противника идей Французской революции. Пришла в компанию, чтобы сделать карьеру. Поэтому легко согласилась на работу в Китае.

Что касается меня, я – маркетолог. По моему мнению, это самая вольготная работа на свете, особенно в такой стране, как Китай. Огромный растущий рынок, свободные ниши и возможность использовать самые примитивные методы продвижения. Китай приветлив, избалован как ребенок, который норовит потратить все деньги родителей на свои глупые прихоти. Рай!

Мы делаем вино: красное, белое и немного розового – все зависит от винограда. Мои боссы в Италии решили выйти на новый, еще неосвоенный алкогольный рынок Азии. Поэтому наш «дивизион» отправили сюда, подобно первым колонистам, осваивать новые земли. Идея моей работы проста – мы меняем мечту на деньги. И все было бы хорошо, если бы не было так скучно.

Начало моего рабочего дня: пара звонков в Италию, проверка почты, переговоры с китайскими партнерами, у которых заказывали исследование. Так незаметно пролетает время до полудня.

Сегодня во время обеденного перерыва Роксана позвала меня в Старбакс на первом этаже нашего бизнес-центра. Для нас любезно занял столик Денис – сотрудник нашей компании, симпатичный парень двадцати семи лет. Денис – типичное будущее Европы – по крови турок, родился в Германии, а работает в итальянской фирме. Наше руководство уверено, что Денису и главному инженеру по силам подготовить проект для открытия завода по розливу вина в Китае.

Как только мы сели, Денис сразу завел разговор о том, что уже прошла первая рабочая неделя, процесс налажен и теперь самое время выбраться вечером всем коллективом куда-нибудь отдохнуть.

– Рэбис, что ты думаешь по этому поводу? – спросил он меня.

– Я бы выпил бокал вина за ужином.

Денис перевел взгляд на Роксану:

– Роксана, как тебе наша идея?

– Я за! Шефа будем приглашать? – она засмеялась.

– Очень смешно. Давай ты лучше поговоришь с ним, а я найду место.

Был еще недурной кофе, и обычный разговор плохо знакомых людей. Покончив со всем этим, мы поднялись в офис и разошлись по своим местам.

Шеф с радостью поддержал нашу идею, к тому же он сам собирался собрать весь коллектив вместе.

Денис принялся за поиск места. Для этого ему понадобилось найти путеводитель по Тяньцзиню. Двадцать минут усердного поиска, пять минут телефонных разговоров, чтобы заказать столик, и весь оставшийся день – на обсуждение выбранного места с остальными сотрудниками. Он не очень любит работать.

После работы оставалась пара часов, чтобы добраться до гостиницы и принять душ. Так как фирма заключила договор с гостиницей, все наши сотрудники автоматически превратились в соседей. Поэтому не было необходимости обзванивать каждого и спрашивать, когда он

соизволит появиться. Все, что нужно, – так это договориться, что в двадцать – ноль-ноль такси будет ждать у входа в гостиницу.

Я решил сразу не идти в номер, а посвятить оставшееся время себе, своим мыслям. Поэтому поднялся в ресторан на втором этаже гостиницы. Наслаждаясь кофе, я любовался видом на Концерт Холл – старое здание, построенное европейскими колонизаторами. Его соседство с современными небоскребами создавало впечатление, будто древний римлянин окружен толпой клерков. Перед поездкой в Китай я кое-что читал об этом городе. Оказывается, здесь искали счастья немецкие, итальянские, английские колонисты. Ну что же, не я первый, не я последний. Кто-то из них, наверное, вернулся домой, так и не найдя себя на непривычной для европейца земле, кто-то сгинул, а кто-то остался здесь, завел семью. И если подводить итог, то та неудовлетворенность местом, которая на самом деле была лишь неудовлетворенностью собой, гнала этих людей, да и сейчас гонит от своего дома, от своей культуры, превращаясь в объяснения для близких людей: «Лучший, неизвестный мир со множеством сокровищ» или «Место, где я могу быть богом, полубогом или, в наихудшем варианте, сверхчеловеком», – все зависит от тщеславия. Забывая о том, что там, где есть люди, там уже есть и боги, и в таких краях сокровища давно заменены поддельными ценностями.

Я обвел взглядом площадь и только сейчас заметил напротив центрального выхода из Концерт Холла золотую букву «М» на красном фоне – вот кому удалось найти здесь свое счастье.

Я сделал еще один глоток из чашки. Кофе остыл. Я посмотрел на часы. Оставалось двадцать минут до встречи. Пора подняться в номер и подготовить себя к сегодняшнему вечеру. Надеюсь, он не превратится в обычную семейную встречу на выходных, когда каждый из членов твоей огромной семьи норовит выпытать положение твоих дел и планы на будущее. А если окажется, что у тебя их в принципе нет, но, несмотря на это, ты вполне доволен своей жизнью, то всеобщих упреков не избежать. Ты каждую неделю словно участвуешь в судебном процессе в качестве обвиняемого. Выбор небольшой: либо быть в центре внимания и, передавая сахар, мило улыбаться, либо взять двоюродного брата, пару бутылок пива и сбежать в сад, где можно проговорить до утра.

Подготовка не заняла много времени. Я всего лишь принял душ, смыл дневную усталость и сменил рубашку. На мой взгляд, выбор сорочки – не такая простая задача. Каждый раз, обращаясь к гардеробу, мы словно переосмысливаем жизнь – что получилось, а что нет. Я много слышал от психологов о тридцатилетнем кризисе у мужчин. Они говорят о том, что в этом возрасте происходит переоценка ценностей, подведение итогов, критическое отношение к себе... Я пережил его довольно легко. Все свелось к замене брендов. Вместо Полис – Диор, Свотч я сменил на Патек Филипп, а Зара на Хуго Босс. Никакого подведения итогов, психических расстройств. Ничего этого не было. Просто шаг в будущее, в долгую старость.

Развлекая себя этими мыслями, я собрался и, уходя из номера, выбросил фрукты, стоящие еще с утра. Спустился в холл. Оказалось, что все ждут только меня. Такси уже было подано. Ли Джан, наше связующее звено между английским и китайским языком, попросил водителя следовать за первой машиной, и мы отправились в Харрис Бар.

Простая кухня, вино среднего качества и скучный интерьер не оставили сомнений – мы находились в Китае и одновременно в любом из тысяч однотипных ресторанчиков средней руки в Европе. Само собой для Тяньцзиня это было шикарное место.

Вечер прошел за скучными разговорами. Мы делились впечатлениями о Китае. Оказалось, что он удивил не только меня. Вспомнили о доме, каждый о своем. Я узнал некоторые интересные подробности жизни людей, с которыми мне предстоит провести, возможно, не один год.

Наш адвокат, элегантная, итальянка Фабриция тридцати пяти лет, как оказалось, имеет двоих детей. Шеф, пожилой статный итальянец, искренне скучает по внукам. Роксана звонит

родителям три раза в неделю. Пожилая итальянка-бухгалтер одинока и хорошо готовит пасту, лучшую во всей Флоренции. Я бы с радостью слушал своих сослуживцев и дальше, но, к сожалению, настал мой черед «откровений».

– Рэбис, а что насчет тебя? Ты женат? – спросил меня главный инженер.

– Да, очень интересно! – подхватила Роксана.

– Нет, не женат. Еще никто не смог ужиться с моим самолюбием, – честно ответил я.

– Рэбис, ты для нас загадка, – продолжал «допрос» главный инженер. – Расскажи немного о себе.

– Я родился и вырос в Санкт-Петербурге. Получил образование там же, после чего перебрался в Европу. Работал в Финляндии, теперь работаю в Италии.

– Для своего возраста ты достиг многого. Наверное, приходилось «идти по трупам»? – наивно пошутил Денис.

– Иногда приходилось, – ответил я.

Разговор тут же перешел к Ли Джану. Как человек совершенно другой культуры, он вызвал всеобщий интерес. Каждый хотел задать вопрос.

После того как мы ближе узнали друг друга, само собой возникло желание узнать этот город. Чтобы не откладывать это знакомство на неделю, мы решили отправиться на экскурсию в субботу. Денис, как все и ожидали, вызвался взять всю организационную работу на себя, а так как времени оставалось не так много, он пообещал заняться этим с завтрашнего утра.

– У тебя завтра никаких срочных дел нет? – спросил шеф у Дениса.

Денис в ответ лишь улыбнулся.

– Ладно, у тебя есть время до обеда.

Денис попросил помочь Ли Джана составить маршрут. К тому же без знания китайского языка было трудно найти машину. Ли Джан, конечно, согласился, ведь место в компании досталось ему с большим трудом.

Вечер подошел к концу. Мы перебрали все возможные темы для разговора, к тому же все испытывали усталость после рабочего дня и решили, не задерживаясь, отправиться домой.

Через несколько минут такси доставили нас обратно в гостиницу. В холле мы распрощались, и я отправился к себе в номер.

Зайдя в комнату, я неспешно разделся, бросил рубашку на кресло – работа для горничной на завтра. В памяти я перебирал события сегодняшнего вечера. Я даже не мог подумать, что наш сексапильный адвокат Фабриция – на самом деле любящая мать, скучающая по своим детям. Я всегда думал, что таким женщинам больше подходит роль предмета страсти. Думал о том, что бывают набожные бухгалтеры, что само собой является противоречием. Я всегда считал, что их церковь – налоговая инспекция, а вера только в баланс дебета и кредита. Запомнилась скромность и почтительность, с которой Ли Джан отвечал на вопросы. Думал, почему наш шеф поехал сюда. Неужели в его возрасте еще хочется быть бесконечно преданным своей фирме, а может быть, он просто не может иначе.

Теплая вода окончательно смыла память этого дня.

На ночь я решил почитать что-нибудь. Рука сама выбрала. Я раскрыл книгу, отмерил себе десять страниц, как часто это бывает – «до точки». Но провалился в сон, не прочитав и трех.

Глава 2

Утро следующего дня для Рэбиса было еще одной зарубкой в длинной череде таких же ничем не примечательных дней. Он услышал глухой стук в дверь.

– Ваш завтрак, сэр, – донеслось из коридора.

Он неторопливо завернулся в полотенце и открыл дверь. Горничная внесла поднос и оставила его на столе. Она пожелала ему приятного аппетита и уже собиралась выйти из комнаты, как Рэбис, не глядя на нее, указал пальцем на стул, где лежала со вчерашнего дня брошенная одежда. Холодно произнес: «Постирайте!»

Наскоро позавтракав, Рэбис собрался и отправился на работу. В обеденный перерыв он присоединился к уже сидевшим в Старбакс Роксане, Денису и пожилой итальянке-бухгалтеру. Разговор зашел о запланированной на завтра экскурсии. Денис, не раскрывая подробностей, обещал увлекательное путешествие. Роксана и итальянка-бухгалтер с интересом слушали речь Дениса, Рэбис же отрешенно смотрел в окно и наслаждался ароматом свежесваренного кофе. Удивительные люди в зеленых плащах бегали взад-вперед и, помогая парковать вновь приехавшие автомобили, громко кричали. Открывали двери подъезжающих к парадному входу такси, давали прикуривать выходящим из здания клеркам. Таких людей он насчитал трое.

Денис, сам того не подозревая, начал раскрывать подробности своей экскурсионной программы. Он обещал показать старый квартал, район, состоящий только из ресторанов, недавно отреставрированную набережную, современную торговую улицу. Рэбис перевел взгляд на итальянку-бухгалтера, она как раз поставила чашку на стол.

– Как вам кофе¹? – поинтересовался Рэбис.

– Это не кофе, а какая-то жижа. Знаете, в Италии нет этих Старбакс, и теперь мне понятно почему.

– Я слышал, что в Китае можно найти подделки² чего угодно. Видимо, эта чашка эспрессо не исключение.

Шутка Рэбиса вызвала улыбку на лице итальянки. Денис напомнил, что машину он заказал на десять утра. «Пожалуйста, не забудьте», – с умоляющим видом обратился он к ним.

Вечером, после работы, Рэбис спустился вниз. Ему не хотелось курить на ходу, поэтому он остановился у главного входа и достал пачку сигарет. Он курил медленно, задерживая дым во рту.

Рэбис смотрел на вечерний Наньцзинлу. Улица тонула в огнях автомобилей. Час пик только набирал свои обороты. Рэбис решил переждать ближайшие два часа в Старбакс, спешить не хотелось. Не торопясь он подошел к стойке бара. Невысокий молодой китаец-бариста услужливо поприветствовал его и поинтересовался, чего Рэбис желает выпить. Рэбис не отвечал и не обращал внимания на бариста, молча изучая меню. Сделав выбор, небрежно кинул: «Капучино».

Он устроился у окна с чашкой горячего кофе. Нина Симон что-то шептала с потолка. Город утонул в красно-желтых огнях.

Зал кофейни был пуст. После шести часов вечера весь Китай, лихорадочно спеша и сигналив, перемещается в рестораны. Китай живет по расписанию. Одновременно, словно по команде, миллионы людей во всех уголках страны (в Китае единое время) высыпают на улицу: квартиры, офисы, магазины вмиг пустеют. Проявившие сноровку уже заказывают блюда из меню, остальные ждут в очереди. Сотни тысяч карандашей и ручек вносят в блокноты заказы: хот-пот, корейское барбекю, шашлычки, лапша, морепродукты – съедается все. За два часа точки общепита израсходуют все запасы продуктов на день. Уничтожаются продукты – появляется мусор. Миллионы грязных тарелок, использованных одноразовых палочек, тонны

жирных бумажных салфеток. Эти горы отходов растут под звуки шумных разговоров и чавканья, которое в Китае является признаком хорошего тона.

В кофейне были только Рэбис, да еще пара европейцев. Взгляд Рэбиса задержался на Леониде. Конечно, он не знал имени этого человека, более того, он видел его впервые в жизни. Тем не менее, имя появилось в голове моментально, само собой, словно вышло из тени бессознательного. При детальном рассмотрении можно было убедиться в выборе имени для незнакомца: вытянутое, мешковатое лицо, как у сенбернара; морщинистый широкий лоб. Тонкие нервные пальцы стучали по клавишам ноутбука. Время от времени сенбернар переводил свои печальные глаза от монитора на Рэбиса. Рэбис отвечал ему безразличным взглядом.

Рэбис решил позабавить себя небольшой фантазией. Он представил себе Леонида как популярного юмористического писателя. «Его книги читают абсолютно все: от школьников до пенсионеров; и везде: в транспорте, на работе, на отдыхе и дома. Леонид пишет рассказы, заставляющие людей смеяться до слез. Были даже несчастные случаи – два человека надорвали животы, но об этом быстро забыли, учитывая роль и авторитет юмориста в обществе. Книги Леонида выдерживали не одно переиздание, сметались с полок магазинов за несколько дней после начала продаж. Он был частым гостем многих вечерних телевизионных шоу. – Рэбис сделал глоток из чашки, усмехнулся и продолжал: Возможно, так могло бы длиться долго, но однажды талант покинул его. Каждое утро он начинал с шутки, рассказанной жене. Обычно супруга, заливаясь слезами, громко смеялась. В то роковое утро он, как обычно, пошутил, но... ничего не произошло. Жена не издала ни звука. Он повторил шутку – безуспешно. С этого момента Леонид потерял веру в себя. Он обращался к врачам, но они лишь в растерянности пожимали плечами. За возвращение его чувства юмора служили молебны дюжина монахов в бургундском монастыре, а на острове Пасхи боролись за талант жрецы темной магии. Леонид опустил руки и постепенно превратился в человека, бесцельно перебирающего пальцами клавиатуру в Старбакс на Наньцинлу».

Эта фантазия очень развеселила Рэбиса, он едва сдерживал смех, даже прикрыл рот рукой, когда сенбернар в очередной раз перевел на него свои грустные глаза. Положение Рэбиса в глазах Леонида становилось шатким. Поэтому он быстро допил кофе и отправился на улицу.

На улице было уже не так шумно. Час пик шел на убыль. Жизнь возвращалась в обычное русло. Так как настроение было хорошее, он решил пройтись пешком. Это была его первая пешая прогулка с момента приезда. Стемнело. Яркие гирлянды на деревьях тянулись длинной линией вдоль улицы. Он увидел свою гостиницу – башню-небоскреб и решил пойти в ее сторону.

До этого момента он не ощущал, что находится в Китае, совершенно другой стране. Раньше он все время проводил либо в гостинице, ничем не отличавшейся от сотен других таких же гостиниц по всему миру, либо в офисе; до любого места он добирался только на такси. Его окружала комфортная обстановка, английский язык, знакомые люди – все как в Европе; и только теперь он ярко почувствовал, что Китай – это совершенно непривычный для него мир. Шум улицы, проходящие мимо люди – все было для него ново. Он шел вперед. Мимо проезжали один за другим велосипедисты. Ему запомнилась женщина, проехавшая на велосипеде, с платком на голове³, полностью закрывавшим ее лицо. Было трудно поверить, что это происходит на самом деле. Дойдя до светофора, он остановился, дожидаясь зеленого сигнала. Рэбис смотрел по сторонам. Он удивился большому количеству иероглифов, окружавших его. Они были повсюду! Ему даже захотелось узнать их значение.

К нему подошла компания молодых людей. Они говорили на своем, столь чуждом и непонятном ему языке. Для него это было больше похоже на шум, чем на членораздельную речь.

«Какая необычная речь! Переливы звуков!» Он вновь обратился к компании. Потом перевел взгляд на любовную парочку, которая только что подошла к нему, оживленно беседуя. Они громко смеялись, и когда девушка хохоча запрокинула голову, то заметила, что рядом

с ними стоит иностранец и смотрит на них. Она ткнула в бок своего парня, и тот развернулся. Теперь они широко раскрыв глаза, глядели на европейца и неловко произнесли: «Хеллоу!»

Ребис ответил: «Хеллоу!» – и отвернулся. Пара, рассмеявшись, продолжала разговаривать. «Щебечут, словно птицы». Ребис прислушался к их разговору. «Какое-то шуршание речи. Они как будто не разговаривают, а переливами звуков обмениваются эмоциями!»

«Удивительный язык! Китайский язык, по-моему, является прямым доказательством теории звукоподражания⁴. В принципе, подражание – неотъемлемая часть обучения, что у человека, что у обезьяны. Только у последних это ярче проявляется.

Речь – это дар, напрямую связанный с сознанием. Бедность речи сродни бедности интеллекта, между ними можно поставить знак тождества. Недаром недалекие люди так косноязычны. Человек, который не в силах упорядочить собственные мысли, не сможет упорядочить речь.

Сам язык – это всего лишь выстроенная система слов. Система передачи информации и выражения эмоций. Слова, в свою очередь, состоят из букв – записанных звуков. А звуки – это лишь отражение окружающего мира. Таким образом, слыша незнакомую речь, становится возможным определить страну или природу, окружавшую человека. Как, например, музыка арабской речи – неторопливая и изящно изгибающаяся, словно муар над пустыней.

Тогда китайский язык сродни природе Китая: обилие шипящих звуков, словно повторение шума леса, вперемешку со звонкими ударами камней друг о друга; мягкость, как журчание горной реки и щебетание диковинных птиц.

Получается, что через меня говорит природа. И когда я использую родной язык, человек вместе со мной совершает путешествие по бескрайним полям моей Родины. Тогда единство мнений – это схожесть нашего путешествия. Эмоциональное единство. Единство природы!» Такое открытие поразило его.

Он выключил душ, вытерся полотенцем и отправился спать.

Глава 3

Я нахожусь в квартире. Я точно знаю, что живу в этой квартире уже давно. В руках пакеты – продукты с рынка. Прохожу на кухню, включаю свет – тщечно, только треск под кнопкой. Щелкаю выключателем – ничего. «Странно, я оплачивал электричество», – то ли думаю, то ли говорю я сам себе. Оставляю пакеты с продуктами на кухне. Иду в спальню, чтобы поставить телефон на зарядку. Зарядное устройство, как всегда, ждет в розетке – просто подключи телефон. Кровать завалена моими вещами. Я хотел их разобрать: что-то отложить в стирку, что-то вернуть в шкаф.

Я вернулся в гостиную. Теперь телевизор не хочет включаться. «Да что такое?!» Нажимаю на пульте клавишу, экран телевизора загорается и снова гаснет.

Начинаю бесцельно ходить по квартире, будто что-то ищу, внутри странное ощущение – легкое волнение. Все вокруг знакомо мне – это мои вещи, но в то же время они стали хозяевами для самих себя. Какая-то тайна сокрыта в них. Я бездумно перебираю вещи, а может, они сами попадают мне под руки. Вижу, что сейчас потрошу сумку – в ней ничего нет, а до этого вертел в руках будильник, вытаскивал из него батарейки. Я ищу что-то, а что не знаю. Внутри меня неопределенность. Я пытаюсь задать простой вопрос: «Что я ищу?» Если я задам его, то найду ответ. Простая цепочка из неудовлетворенности, затем вопроса, потом поиск ответа, обрывается на этом чертовом вопросе. Он крутится во мне, не желая приходить в голову, я не могу его сформулировать для самого себя.

Все странно. Странно, что гора моей одежды в спальне лежит на кровати, на которой я никогда не спал. Я это знаю. Или спал? Теперь я не уверен. Сидел ли я на кресле в гостиной, включал ли я плиту на кухне. Может быть, все это было. И в гостиной, и в спальне, и на кухне. А что сейчас? Почему так странно?

Неопределенность повисла в воздухе. Я чувствую, что время остановилось, а с ним ощущение того, что я не лягу на эту кровать – я уже не захочу спать, вечер никогда не наступит! Напряжение окружающего мира растет, как будто нечто силой удерживает планету в руках. Казалось, что можно поднять любой предмет и отпустить его, но он не упадет, а останется висеть в воздухе. Смотрю по сторонам: «Все мертво». Вечное сейчас. Время растворилось. Осталось только то, что есть. Я дышу этим застоявшимся воздухом. Он никогда уже не будет другим, а навсегда останется таким же. «И я останусь!» Это открытие ужаснуло меня. Я выпустил сумку из рук. Я стоял посреди гостиной, ничего не чувствовал, ни о чем не думал. В спальне раздался телефонный звонок. Я подошел к телефону. Волнение ушло. В трубке я услышал голос Дениса:

– Привет, Рэбис, я иду на завтрак. Ты скоро спустишься?

– Я скоро приду. Я уже собираюсь, – медленно проговорил я. Слова были вязкими.

Нужно было идти. Нет, не так. Идти было необходимо. В ванной горел свет, из крана шла теплая вода. Я давно уже не обращал внимания на облупленные стены, лампочку на проводке без плафона, отсутствие занавески.

Рэбис вышел из ванной, завернувшись в белоснежное именное полотенце гостиницы Ренессанс. Отыскал в шкафу джинсы, яркую футболку с непонятным рисунком, за который она ему и полюбилась. Оделся и, не переобуваясь, прямо в гостиничных тапочках, спустился вниз. В лифте играл легкий джаз. Он вдыхал аромат, часто распыляемый в дорогих гостиницах – не самый лучший, но приятный. Двери лифта раскрылись. Шум голосов навалился на него волной. Нос защекотало от свежеприготовленных блюд. От пестрых одежд постояльцев рябило в глазах. Сонные лица, вооруженные тарелками, носились взад вперед. Это походило на закулисный мир театра перед спектаклем. Актеры не успели еще вжиться в свои роли. Главный

«злодей» мило беседовал со своей будущей «жертвой», Цезарь, взяв под ручку Наполеона, прогуливался к салатам, размахивая вилкой и мило шутя. Люди, в другой ситуации не заметившие бы друг друга, сейчас были равны, забыв о разнице, которая могла быть между ними. Маски на время оставлены в номерах гостиницы, но после завтрака все вернется на свои места. Те же лица, которые только что так мило беседовали и шутили, холодно попрощаются, обронив: «Извините, мне пора бежать. Увидимся!» – в надежде, что это никогда не произойдет. Он видел, как шеф разговаривает с Роксаной, указывая на стойку с круассанами, и направился к ним, не забыв взять свою тарелку.

Не до конца отойдя ото сна, все еще испытывая неприятные ощущения, он поздоровался с Роксаной и стал накладывать себе еду. К нему подошел Денис, как всегда веселый и счастливый. Как его однажды охарактеризовала Роксана: «девянсто килограмм чистой энергии!» Он всем своим видом показывал, что все запланированное на сегодня обязательно понравится их компании. Это читалось в его уверенной походке, когда он направился в сторону Рэбиса, едва завидев его рядом с Роксаной, и в его слегка детской, наивной улыбке. А как горели глаза Дениса, я думаю, и описывать не стоит. Пока Рэбис, в свойственной ему манере, не торопясь, так как он считал это излишним, выбирал продукты, с которых начнет сегодняшний день, Денис начал подгонять его:

– Рэбис, поторопись чуть-чуть, у нас сегодня насыщенный день. Кстати, насчет обеда не волнуйся. Я заказал снеки у нас в ресторане.

– Денис, я вижу, ты предусмотрел абсолютно все. Только, пожалуйста, не будь таким навязчивым, а то мы быстро устанем.

Разговор с Денисом окончательно привел его в чувство. Замечание, сделанное Денису, даже слегка развеселило его. Бедняге Денису не нашлось, что сказать, и он направился в администрацию, чтобы разузнать о готовности снеков. Рэбис же, набрав фруктов, пошел за стол.

После завтрака он отправился в номер, чтобы переобуться и захватить свитер на случай, если похолодает или они вернутся в гостиницу слишком поздно.

У входа в гостиницу их уже ждал микроавтобус. Когда все расселись по местам, Денис шепнул Ли Джану, указывая пальцем место на карте, тот, в свою очередь, передал команду водителю. Денис занял свое место, с которого он мог вести диалог с каждым «туристом», и начал экскурсию: «Уважаемые туристы, сегодня с этим замечательным городом буду вас знакомить я, обычный инженер итальянской компании – Денис, и коренной житель этого города – Ли Джан. Все на месте? Поехали!» «Цзоу ба!» – перевел Ли Джан водителю, и машина тронулась.

Первым местом была католическая церковь, расположенная в центре города, портал которой выходит на длинную торговую улицу. Всю дорогу Денис рассказывал об истории возникновения этого города, перемежая исторические факты шутками. Денис действительно хотел провести хорошую экскурсию, поэтому потратил много времени на сбор информации в Интернете, а также огромное количество листов бумаги, для того чтобы распечатать найденное. Казалось, что он знает об этом городе абсолютно все, вплоть до личного знакомства с каждым жителем. За интересными фактами истории, тем более рассказанными Денисом в свойственной ему веселой манере, «туристы» не заметили, как добрались до церкви.

На осмотр Денис выделил 20 мин. Несмотря на то что церковь католическая, на воротах висят таблички с иероглифами. На ветвях деревьев, окружающих церковь, привязаны цветные ленточки. Слева от входа, во дворе, стоят огромные, полуметровой высоты, курильницы с благовониями. Все пространство вокруг курильниц заставлено цветами.

Группа остановилась возле входа в церковь. Денис коротко рассказал об истории ее строительства, не забыв упомянуть об отношении к христианской религии со стороны китайцев.

Группа зашла в церковь. Денис, Ли Джан и Рэбис расхаживали по церкви как настоящие туристы, обсуждали архитектуру здания. Остальные же приступили к молитве. Рэбис открыто высмеивал азиатский колорит, привнесенный в христианскую культуру.

– Рэбис, ты верующий? – поинтересовался Денис.

– Меня крестили как православного, но в церковь я не хожу. Я считаю, что вера не в церкви, да и к месту она имеет последнее отношение.

– Ли Джан, скажи, среди китайцев много католиков? – не унимался Денис.

– Не могу сказать на счет всего Китая. В Тяньцзине, я думаю, несколько тысяч, – он сделал движение глазами, как будто пытался вспомнить всех католиков города, – да, – подтвердил он, – несколько тысяч.

Группа собралась во дворе. Последней вышла итальянка-бухгалтер. Они перешли дорогу и оказались на Бинцзяндао – следующий пункт их экскурсионной программы.

Эта улица является главной витриной города Тяньцзинь. Собрание дорогих магазинов модной одежды, светящиеся и соревнующиеся между собой в стиле и роскоши витрины известных марок. На этой улице спокойно уживаются как фирменные магазины западных брендов, так и китайских дизайнеров. В Китае очень сильно развит рынок поддельных вещей. Настолько сильно, что он сформировал новый вид шопинга. Шопинг по-китайски – это зайти в фирменный магазин Диор, примерить вещь, оценить, как она будет на вас смотреться, а после этого зайти в соседнюю дверь и купить такую же, только в несколько раз дешевле. Рано или поздно к такому виду шопинга приходят все. Благодаря этой улице жители Тяньцзиня выглядят всегда стильно и в духе современной моды, а самое главное – за небольшие деньги. Это настоящий рай для модниц, которые, в свою очередь, хотя бы раз в неделю, но все-таки появляются здесь. Выходные дни превращают Бинцзяндао в место паломничества. Как в Мекку, сюда стекаются миллионы верующих, чьим богом стало Потребление. Протяженность торгового рая составляет пару километров, поэтому здесь можно легко провести целый день, а для удобства передвижения были пущены маленькие электрические трамвайчики, которые, неустанно расталкивая толпы людей, несут тебя к самым дальним магазинам.

Денис опасался, что они могут потратить здесь много времени, а также боясь за потребительский нрав женщин, предложил воспользоваться этим трамвайчиком, благо цена, как и у любого общественного транспорта, невысока. Как всегда в субботний день Бинцзяндао был полон людьми. Трамвай шел медленно, лавируя в толпе народа, и яростно трезвонил. Улица буквально тонула в шуме – из-за него было сложно разговаривать. Многочисленная толпа гостей Бинцзяндао гудела, словно улей. У каждого магазина продавцы зазывали к себе покупателей, выкрикивая слоганы через громкоговоритель. Машины, пересекавшие эту улицу, не переставая сигналили, разгоняя пешеходов.

Спустя несколько минут они добрались до нужного места, недалеко от которого их уже ждал микроавтобус. Это место примечательно тем, что торговая улица резко уходит влево, образуя перекресток, и в центре этого перекрестка лежит огромная бронзовая монета, являющаяся, по словам Дениса, талисманом для продавцов. Как настоящие туристы они решили сфотографироваться возле монеты.

Поскольку программа была насыщенной, Денис поспешил усадить всех в микроавтобус, и они отправились дальше. По новой красивой набережной они добрались до Вэньхуацзе – квартал в классическом китайском стиле.

Как для любого другого города, основанного на реке, набережная Тяньцзиня является его достоянием. Это место всегда притягивало большое количество людей. Здесь часто можно увидеть небольшие группы пенсионеров, человек в двести, занимающихся Тайцзицюань⁵. Здесь и там одинокие рыбаки пытаются поймать в мутных водах Хайхэ хоть какой-нибудь улов. По вечерам набережная представляет собой совсем другое зрелище. Пенсионеров-физкультурников сменяют люди выгуливающие собак, а на смену рыбакам приходят любовные парочки.

Через реку переброшено несколько мостов. Что интересно, они выполнены в разных стилях: от аляповатого барокко до хай-тека. Э. Э. Шмидт однажды отозвался о парижской Сене: «Сена – она как женщина, украшает себя мостами, словно браслетами». Если следовать его логике, то Хайхэ в таком случае – женщина, не имеющая вкуса в выборе аксессуаров.

Рэбис сидел на своем месте у окна и любовался набережной. Он вырос в городе на Неве, где в юности сам часто бродил по набережным. Приятные воспоминания всплыли в памяти. Захотелось вернуть те чувства далекого прошлого. Он отвернулся от окна. Шеф с главным инженером беседовали. Роксана просматривала фотографии в фотоаппарате. Денис делился впечатлениями с Фабрицией и итальянкой-бухгалтером. Ли Джан что-то показывал рукой водителю.

Роксана ткнула Рэбиса локтем в бок.

– Рэбис, ты не смотрел в камеру, – сказала она расстроившись.

Он взглянул на экран фотоаппарата и ответил:

– Я просто отвлекся, не обращай внимания.

«Мы приехали», – сказал Ли Джан, когда машина остановилась.

На Вэньхуацзе, как всегда, царил праздник. Здесь продаются товары, которые пользовались спросом со времен Великого Шелкового Пути: фарфор, жемчуг, сувениры и, разумеется, сам шелк. Узкая мощеная улица, крепкие двухэтажные дома с маленькими оконцами и загнутыми кверху крышами создают впечатление о Китае далекого прошлого. Буйство красок: красного, синего и зеленого – погружает в особую атмосферу Востока. Вся улочка состоит сплошь из маленьких лавок. В одних продают товары, в других трудятся ремесленники. Среди них каллиграфы, резчики по камню, мастера росписи стекла.

Наши туристы проявили неподдельный интерес к этой улице. Шеф и главный инженер с удивлением разглядывали диковинные товары на лотках с сувенирами. Итальянок увлекли лавки с шелком. Они примеряли яркие платки, смеясь и делая друг другу комплименты. Больше всего, конечно, им нравились низкие цены. Роксана, будто куда-то опаздывая, стремилась снять на фотоаппарат все вокруг: от каменных львов, восседавших на крошечной площади, до мастеров, создающих очередной «шедевр». В ней проснулся инстинкт папарацци. Она пыталась запечатлеть каждый уголок этой улицы. Денис помогал ей. Он подбегал к какому-нибудь месту и выкрикивал: «Теперь здесь!»

«Видимо, эта старина не для меня. Она похожа на старуху в девчачьей одежде. Она думает, что это ее молодит, а на самом деле только забавляет окружающих», – думал Рэбис.

Очарованная этим местом Роксана, повернулась к Рэбису, и полная восторга, произнесла:

– Эй, тебе что, не нравится?

– Нет, – усмехнулся Рэбис.

– Да ладно, посмотри, какая красота! Давай я тебя сфотографирую вот с этим человеком, – сказала она, указывая пальцем на китайца у телеги, который неотрывно глядел на иностранцев. Он понял, что речь идет о нем, так как не только Роксана, но теперь и Рэбис, смотрели на него. Он слегка стушевался, но потом взял себя в руки и весело произнес: «Хеллоу!», явно показывая, что не против.

– Нет, он чумазый!

Роксана надула щеки, как обиженный ребенок, но через мгновение щелкнула Рэбиса у колонны и как ни в чем не бывало побежала дальше по улице в поисках новых объектов для съемки.

Рэбису здесь откровенно не нравилось. Он думал: «И что они нашли в этой улице. Груда хлама и кучка торгашей. Чему здесь можно удивляться? Видно, что здания построены совсем недавно, к тому же достаточно плохо. Вон, штукатурка начала отваливаться! Роксана – как маленький ребенок, честное слово. Как я устал от этой поездки». На глаза ему попались Ли Джан с Денисом, они просматривали карту.

– Денис, – окликнул его Рэбис, – посвяти меня, пожалуйста, в свои планы. Что на очереди?

– Сейчас едем в итальянский квартал, а оттуда в парк на воде, – не отрывая глаз от карты, ответил Денис.

«Какой-то утренник», – подумал Рэбис и направился к машине ждать, когда все соберутся.

Все возвращались с целым багажом впечатлений и небольшими пакетами с сувенирами. Как и обещал Денис, далее они поехали в итальянский квартал. На самом деле речь шла о целом районе города, отстроенном колонизаторами, и не только итальянскими. Улицы в этом районе мощеные, дома не выше трех этажей. Учитывая тот факт, что китайские вывески способны превратить любое место в рыночную площадь, здесь была запрещена торговля – только банки и дорогие рестораны. Большинство домов стоит без внутренней отделки, возможно потому, что район недавно восстановлен.

Идея поехать сюда принадлежала Ли Джану. Денис ожидал, что наших туристов этот район не сильно удивит.

– Типично! – сказала пожилая итальянка Фабриция, – Словно мы оказались в какой-нибудь Ласпеция.

– Или на окраине Пизы, – добавила Фабриция.

Тем не менее было приятно на минуту оказаться в старой доброй Европе. Пусть и не в центре, а на «окраине».

Последняя точка в экскурсионном маршруте на сегодня – это прогулка по парку. Огромное озеро и острова на нем образуют Шуйшангунюань. Некоторые острова соединены с «большой землей» мостами, до других же можно добраться только вплавь.

Денис представил парк: «Дамы и господа, мы добрались до конечной точки нашего экскурсионного маршрута. Я с радостью сообщаю вам, что ланч мы проведем на прекрасном „диком“ острове. Для этого попрошу всех следовать за мной к месту проката катамаранов». Группа направилась за Денисом. Позади Ли Джан и водитель несли пакеты со снеками.

Началось водное путешествие. Шеф и инженер плыли на одном катамаране, другой заняли Фабриция, итальянка-бухгалтер и Ли Джан. Пока он крутил педали, дамы не переставали доносить его вопросами, при этом активно жестикулируя. Флагманом бравой эскадры стал катамаран с Денисом, Роксаной и Рэбисом. Роксана и Денис весело крутили педали и любовались видом. Рэбис себя этим не утруждал и время от времени прикасался к глади воды.

– Денис, спасибо тебе за экскурсию. Все было великолепно! – похлопала его по плечу Роксана.

– Всегда пожалуйста! Я хотел сделать еще больше, но мы не укладываемся по времени.

– Рэбис, как тебе экскурсия? Ты всю дорогу какой-то грустный. – Роксана посмотрела в глаза Денису, ища поддержки.

– Да-а, – протянул Рэбис, – Китай – удивительная страна, – ответил он с сарказмом.

– Что ты имеешь в виду?

– Денис, экскурсия и вправду хорошая, но для меня внешняя сторона жизни, которая отличается лишь формой крыши: где-то она прямая, где-то покатая, а в Китае она оказалась загнутая, – не имеет никакого значения. Сегодня я в этом лишний раз убедился. Меня интересует в первую очередь человек с его горестями и печалью. Если ты будешь устраивать экскурсию по человеческим душам, позови меня, я запишусь за месяц вперед.

– Я боюсь представить, каким занудой ты будешь в старости, – со смехом заметила Роксана.

– Я планирую умереть раньше, – отшутился он.

Их катамаран приплыл первым. Денис встречал остальных, помогая высаживаться.

«Архипелаг» представляет собой два островка, соединенных между собой каменным мостиком. Добраться до него можно только вплавь. На ланч они расположились в невысокой окруженной деревьями пагоде. Она приглянулась им еще с берега.

Дениса хвалили все. Слегка захмелев от внимания и комплиментов окружающих, он еще что-то бормотал про то, что он устроит еще более увлекательную экскурсию, только теперь по всему Китаю. Но, разумеется, это уже никто не воспринимал всерьез. Перейдя от комплиментов к впечатлениям, компания уплетала снеки, вспоминая картины сегодняшнего дня.

Глава 4

Утром следующего дня меня разбудил стук в дверь. Не желая открывать ее, я просто перевернулся на другой бок и попытался заснуть. Но кто-то настойчиво продолжал стучать. Одинокие, редкие стуки быстро сменились ударами, посыпавшимися на мою дверь. «Какой настойчивый сервис. Хотя, это вряд ли горничная», – подумал я. И был прав. Когда я поднялся с кровати, желая выяснить, кто же этот человек, который горит желанием увидеть меня утром, не боясь моего гнева, я услышал смех за дверью.

– Ну что же, от вас это можно было ожидать, – кинул я фразу в лицо Денису, открыв дверь.

– Просыпайся! – заливаясь смехом от своей глупой выходки, сказала Роксана.

– Мы сегодня идем на торговую улицу. Ты с нами?

«Да, Денис, как всегда, полон идей» – подумал я.

– Нет. Я сегодня хочу отдохнуть, хватит с меня прогулок.

Потом еще что-то про веселье, про то, что я лентяй; недолгие уговоры – и мне все-таки удалось избавиться от такого чудесного похода по магазинам в компании двух людей, переполняемых энергией до такой степени, что сейчас их хватило бы, чтобы от них мог питаться электричеством маленький поселок.

Спать уже конечно не хотелось. Я открыл лэптоп. Подключился к гостиничному Интернету и начал бесцельно бродить по сети. Для развлечения я решил скачать какую-нибудь книгу и почитать ее. Для меня существует только два вида литературы: научная, чтобы разобраться в интересующих меня вопросах, и художественная классика, чтобы получить эстетическое удовольствие (никакой беллетристики, только проверенная временем литература). Сегодня я начну с того, что разберусь с идеей буддизма. Еще Борхес упоминал, что в дзен-буддизме существует особый инструмент просветления – это коаны – маленькие истории, лишённые логики; их невозможно понять. Все, что от них требуется, так это крутиться в голове, подобно навязчивой идее, все туже закручивать клубок мыслей. После чего мысли скатываются, склеиваются, растут как снежный ком. И в критический момент твое сознание перестает пытаться их распутать, и ты растворяешься в них. Исчезает понимание того, где они заканчиваются; растворяется твое «Я», исчезает индивидуальность – ведь та, первичная материя, тот абсолют, он не имеет индивидуальности – он един. И как только ты теряешь «Я», ты получаешь взамен просветление. Но что лучше – быть частью огромного целого мира, его частичкой среди мириад таких же частичек, и в то же время быть всем этим миром и этими частичками одновременно – «я есмь и альфа и омега, начало и конец»; или быть самим собой, понимать, что ты есть нечто особенное, единственный, человек с особым внутренним миром, который ты сам создал и в котором будешь существовать (творец и тварь одновременно) – не есть ли это заявка на божественное? Как говорят многие религии: «Бог живет в каждом из нас, наша же задача отыскать его», для меня же ближе: «Место богу есть в каждом из нас, наша задача поселить его, а это значить создать» – и я еще не знаю, какой из выбранных вариантов лучше...

Пальцы быстро перебирали клавиши, и я нашел то, что искал, – «101 коан». Ну что же, воскресный день только начинается. Открываю наугад.

«97. Обучение основному.

Давным-давно в Японии были в ходу фонари из бумаги и бамбука со светильником внутри. Одному слепцу, который вечером навестил своего друга, предложили взять в обратный путь такой фонарь.

«Мне не нужен фонарь, – ответил он. – Свет или тьма для меня одно».

«Я знаю, что тебе не нужен фонарь, чтобы найти дорогу, – ответил друг, – Но если у тебя его не будет, кто-нибудь может наткнуться на тебя. Так что возьми его». Слепой отправился в дорогу с фонарем и не успел еще далеко отойти от дома, как кто-то налетел на него.

«Смотри, куда идешь, – крикнул он прохожему, – Разве ты не видишь фонаря?»

«Твой светильник давно погас, братец», – ответил прохожий»

Прочитав еще несколько коанов, я сделал вывод – все построено на парадоксах. Отыскиваются тонкие моменты нашей удивительно детерминированной, идеальной жизни, в которой существуют или, лучше сказать, хозяйничают определенные законы (их маленькая часть) и, разумеется, причинно-следственные связи, куда же без них, идеализируется модель – вот тебе и наш мир – округленный до какого-то знака после запятой, а то что погрешности создают нестыковки, не важно – и вот за счет таких нестыковок получаем парадоксы. У меня тоже есть в запасе одна история, только прелесть ее в том, что мне посчастливилось ее пережить.

Возвращаясь домой по темной улице, она сказала мне: «Когда я только приехала в этот город, я была счастлива, потому что я не жила той, нормальной жизнью, не знала язык, не знала здесь ничего. Теперь все наладилось... И я хочу умереть!» – вот над этой историей стоит задуматься.

Да, забавно. Интересно, какие инструменты для «просветления» имеет современная западная мысль? Может, котировки акций? Вижу, что акции растут с каждой минутой, и чувствую, что я все глубже погружаюсь в nirvanу, я на вершине блаженства! А если котировки падают, то с каждой минутой приходит «прозрение» того, что я идиот, каких свет не видывал, если решил купить акции этой компании.

Просматриваю сайт финансовых новостей. И понимаю, что современный мир сошел с ума. Или это я сошел с ума? Не знаю. Знаю одно, что хочу позавтракать, а потом покурить.

Я заказал завтрак в номер. Не прошло и пяти минут, как его доставили. Простой завтрак человека, который хочет раствориться в абсолюте запахов кофе и мягкого круассана. Ну чем не потеря собственного «Я», о котором говорится в буддизме. Я имею в виду безликий завтрак миллиона людей, а потом подключение к искусственному абсолюту со скоростью десять мегабит в секунду. Потеря себя в Интернете в воскресное утро, потеря своего тела. В этой Великой бесконечной информации знания любой тайны. Почти божественное знание, не считая сайтов домохозяек и любителей пластиковых бутылок. Я теперь и Альфа и Омега. Сижу; мое тело в Китае; слушаю радио Аргентины; через веб-камеру наблюдаю за наводнением в Чили и разговариваю с другом, который сейчас в Австралии, – ну чем не медитация? путешествие по мирам?! Я растворен в бесконечности, для меня нет языковых преград, разговариваю с людьми, как строители Вавилонской башни, на одном языке – английском. Интернет и есть тот самый абсолют, в котором я растворяюсь и могу быть где угодно, одновременно в разных местах. Ах, какая заявка на божественное! А что же в такой ситуации остается высшему существу? Какова его роль? Идти в ногу со временем и становиться модератором. А Мефистофелю устраивать козни с подключением к Интернету и собирать огромную армию дьяволят-спамеров! Но у каждого божества должны быть атрибуты веры. И в этом современная религия преуспела – программисты заменяют жрецов, компьютеры – это соборы, модемы – алтари, а Интернет-кафе – Мекка. Но что же будет после смерти? А поле смерти остается блог вместо могилы... Нет, все не то. Вот она религия двадцать первого века. Но она так и не решает главной проблемы, она лишь поменяла облик. Не в силах ответить на самые желанные вопросы: кто я в этой системе мироздания? Зачем я нужен? Где мое место?

А что нужно мне? Я постоянно думаю над этим. Я хочу найти ответы, но никакие коаны мне не могут помочь. Можно изучить восточную философию, посвятить свою жизнь медита-

ции, прийти к тому, что тебя нет. Раствориться в этом абсолюте, стать частью мира и ощутить, что меня больше нет. Меня, того человека, который мыслит. Я есть. И я отличаюсь от других людей. Я этим горжусь. Мне приятно говорить: «Я есмь» – и прочувствовать это всем моим телом, произнеся каждую букву.

Каждый раз я возвращаюсь к этой теме. И каждый раз я не могу найти ответ. Она меня преследует постоянно, держит на коротком поводке, и как только мне кажется, что я нашел ответ, устраивающий меня, позволяющий жить, я сразу нахожу противоречия, которые рушат всю мою стройную цепь рассуждений. От этого невозможно скрыться, даже сменив обстановку, – это лишь временное облегчение, я знаю это по опыту, потому что эти вопросы живут внутри меня.

Видимо, даже в воскресное утро мне не избавиться от философского поиска себя.

Я поднялся с постели и подошел к окну. В голове у меня творилась полная неразбериха, мысли кружились, словно рой пчел, постоянно жужжа. Они мелькали, всплывая в памяти, одни просто звучали, другие проносились перед глазами, словно кинофильм. Я закрыл глаза, чтобы немного расслабиться, но это не помогало. Я думал над своей сущностью, эта тема была, наверное, главным моим вопросом, на который я так и не смог найти ответ. Во мне словно два человека вели диалог. Этот диалог начинал звучать все громче и громче. И мне казалось, что тот внутренний «Я», который вечно молчит, но именно он управляет мной, решил наконец высказаться. Я слышу сейчас этот вечный внутренний диалог, который путает все карты, который терзает меня по ночам, от которого я бежал из России, потом из Италии, в надежде, что с переменой места проживания, обстановки этот голос будет звучать не так настойчиво. Я знал, что если сейчас открою глаза, то я, наверно, увижу ту страшную, вечно недовольную жизнью, эгоистичную натуру, которая пытается отстоять свои права на существование, доказать, что именно эта эгоистичная натура и есть я сам.

Все. Хватит! Пора в душ. Только это отвлечет меня от глупых мыслей.

И действительно, теплая вода позволила расслабиться моему телу и уснуть, пусть и не надолго, волнение. Позже, следуя своему утреннему ритуалу, я умываюсь холодной водой, действующей на меня чрезвычайно отрезвляюще. Я даже слегка по-новому взглянул на обстановку своего номера. Приятно жить в хорошем номере.

Я подошел к зеркалу и остановил взгляд на своем отражении. Я люблюсь им и одновременно чувствую неприязнь, легкое отвращение к себе, и я точно знаю, что причина не во внешности, с ней мне повезло. Я пристально вглядываюсь в отражение. И отвращение, словно голодный пес, срывается с цепи.

Вот он эгоизм в чистом виде, энциклопедический эгоизм – я кропотливо ухаживаю за собой только потому, что не могу выносить себя. Легкая, почти незаметная, улыбка, горделивый взгляд – внешне все прекрасно. Разве это владение собой, улыбка, которой я могу привлечь любую девушку, скрывают ненависть к себе? Не поверю, что в таких делах женщины могут ошибаться, в чем в чем, но только не в этом. Но все-таки прячусь за маской бесконечной любви к самому себе, только потому что так смогу скрыть или, лучше, возместить ту ненависть, обосновавшуюся у меня внутри.

Я начинаю понимать причину своего внутреннего диалога – два существа, два брата во мне. Они близнецы, но с диаметрально противоположными характерами, которые не могут ужиться в одном теле и которые тайно ненавидят друг друга, пытаюсь это всячески скрывать. Прямо как в Библии: «правая рука не знает, что делает левая». А кто из этих близнецов я? тот, кто сейчас думает и не переносит свою половинку? Это хороший вопрос.

Странно, я никогда не называл словами то, что у меня внутри. Такие слова, как душа, незыблемое начало слишком громоздки и очень расплывчаты в определении. Придуманные церковниками, они служат их интересам. Допустим, если это душа, то почему она черна и грязна? Материальная грязь, которую можно пощупать, не принадлежащая той материи,

из которой состоит душа, как они могут быть вместе? как могут сочетаться? Это то же самое, что мысли с налетом пыли. Но если душа и мысли – суть одна материя, то как может случиться, что мысли бывают грязны и похотливы, ведь душа чиста. В моем представлении она как внутренний стержень. И этот стержень со временем облепляется наростами морали, правилами, житейскими ситуациями, горестями, представляя собой сумму жизненного опыта. Со временем они наслаиваются, накладываются друг на друга, и в скором времени невозможно будет определить, есть ли вообще у человека душа помимо этой грязи. Но стержень под этой грудой одежды все так же чист. И, видимо, если вернуться перед смертью в лоно церкви, покаяться, то эти наросты спадают, оголяя внутренний стержень. Если не будет другого выхода достигнуть рая, то так и поступлю.

Думаю, что так же будет и с другими определениями. Поэтому мне нужно свое слово, которое прекрасно описывало бы то, что я испытываю, так как я это понимаю. Сейчас же мне легче использовать слово «внутри».

Я посмотрел на часы – часовая стрелка перевалила за двенадцать – и еще раз убедился в том, что за размышлениями я часто теряю ощущение времени.

Чувство голода набирает силу. К тому же надоело сидеть в четырех стенах гостиничного номера, и я спустился в ресторан.

Солнце сквозь стеклянные стены гостиницы заливает светом пол ресторана. Я выбираю место возле окна и сажусь поудобнее, не забыв перед этим выложить все вещи из кармана, что бы ничего не мешало мне наслаждаться вкусом еды и наблюдать за людьми.

Машины, пересекающие площадь, люди, снующие туда и сюда, уличный хаос – мое любимое зрелище. Оно успокаивает, но в то же время и радует глаз. Еще одно «представление», на которое можно смотреть бесконечно. Возможно, господь создал нас именно за этим, чтобы иметь возможность умилительно глядеть на нас сверху. Ведь как это прекрасно наблюдать за копошащимися внизу существами, возомнившими себя равными Создателю, за этой упорядоченностью, если смотреть на нее сверху, и полным хаосом, наблюдая за всем происходящим изнутри.

Тем более приятно наблюдать за этим, отыскивая разницу между людьми. Это очень забавно, учитывая, что разница всего лишь внешняя. Смотреть, как человек, пронесшийся на шикарной машине, тщеславие которого вырывается за ее пределы, – слегка приоткрой окно, и оно дымом повалит оттуда, ощущая свое стеснение. И бедные люди. Нет, это слишком двусмысленно. Лучше – люди без материального состояния, которые трепещут при имени Создателя, при имени власть имущих, одним – словом трепещут всегда.

Но и у одних, и у вторых есть объединяющая их черта – это любовь к себе. Вот аргумент для гуманиста. Не его покрытая пылью, затасканная аксиома, что мы все люди, разница лишь в цвете кожи. Если хотим придать ей новую силу, то необходимо добавить – у нас одна любовь, любовь к себе. И это ярко видно, когда мы проходим мимо витрин. Как много людей смотрят в витрины, эти уличные зеркала. Нарциссы! Любуемся своим отражением, своим братом-близнецом, существующем в параллельном мире. И ничего не значащим здесь.

Хотя почему же не значащим? Ведь если подумать, он настолько же реален, как и ты. В каждом из нас живет два существа: в одном теле два человека. Мы чувствуем это. Это проявляется в наших поступках – когда я желаю одно, а делаю совсем другое. Да и если присмотреться к нашей жизни, можно с легкостью определить, что внутри нас есть еще кто-то, кто постоянно напоминает о себе. Как соседи в коммунальной квартире, их нет в твоей жизни, кажется, что они никак не влияют на нее, но грязная посуда, посторонние запахи, шум заставляют тебя либо нервничать, либо уйти поскорей из дома, чтобы ничего этого не видеть. И так, волей-неволей можно потерять ощущение дома.

Мы любим зеркала. Ведь только так нам удастся заметить невидимую для нас другую часть себя. Что мы пытаемся в них увидеть?

Я смотрю на свое отражение в окне и вижу копию себя. Я чувствую, что это не я. Да и маленький шрам на правой щеке в отражении уже перешел на левую щеку; глаза в точности как мои, но человек в отражении не я. Тогда кто же это? Кто он? Где он живет? Во мне? Или там, за зеркалом? А что там, за зеркалом? Там, наверно, такой же мир, как и мой. Они настолько близки, что поставь зеркало, это окно в параллельный мир, и можно увидеть перевернутые картины зазеркалья. Но зачем два подобных мира? Природа ошиблась? Или сошла сума? Разве ей не достаточно одного безумца?

Я выпускаю дым через зубы. Нет. Она мудра. Этот мир параллелен, но вряд ли одинаков. Он противоположный, другая сторона медали. То, что было слева, там – справа. То, что я считаю злом, там – добро! Они компенсируют друг друга. Взаимно уничтожают друг друга, дополняют. Вечный баланс. День и ночь...

Или они настолько тесны, что им отведено одно пространство? Это?

Два человека в одном теле. Разные желания. Разные пути. Наверно, счастье – когда ваши желания совпадают. Отсюда, видимо, и любовь к зеркалам. Каждому хочется разглядеть, посоветоваться со своей половинкой.

А кто же из них главный? Кто направляет мое движение? Он?

Я снова взглянул на отражение. Пристально смотрю в его глаза. Не моргаю. Кто победит в этом поединке? Знаю, он моргнет вместе со мной, не позже.

И если так, то одному отведена роль кукловода, другому роль актера, которому рукоплещет публика, вознаграждает своим вниманием и почтением. Роль актера – куклы на веревочке. От него требуется лишь полное послушание первому, главному, внутреннему «Я». Он решает, как нужно жить, определяет будущее.

Я смотрю тебе прямо в глаза. Я знаю, что ты есть. И меня это не устраивает. Но ты лишь мудрый калека, и без меня, актера, ты никто. Не двинешься с места.

Я давно заметил, что разговор – это всего лишь кривляние двух масок. Теперь же я смотрю глубже. Наблюдаю за вами, словно родители за детьми. А ваша роль сводится лишь к демонстрации своих актерских навыков.

Вечные сиамские близнецы.

Круговорот мыслей набирал силу. Они потянули чувства, те же, в свою очередь, взяли за память. Я уже физически ощущал, что мое тело начинает кружиться вместе с хороводом. В голове все перемешалось. Перед глазами, как на огромном экране, пронеслись фразы, сказанные сегодня, люди, которых видел за окном, мое отражение.

Я решил подняться в номер и немного отдохнуть.

Как ни старался, заснуть не удалось. Сон присоединился к этому круговороту. Теперь уже перемешался внутренний мир и мир реальный.

Мне стало жарко, и я решил включить кондиционер. Я лежу. Выдыхаю сигаретный дым, играю с ним, стараясь выпустить кольца. Кондиционер легонько теребит шторы в номере. Они раскачиваются от ветра. Они оживают. Медленно отлетают, выгибаются, а потом, вмиг расправляясь, стремительно возвращаются туда, откуда начали свой «полет», принимают исходное положение... Густое облако дыма, подплывая к кондиционеру, скручивается в беловатые спирали, а потом резко рассеивается.

Работает телевизор.

В голове уже созревает история. Мой собственный коан. Мой, и моего близнеца. Я записываю то, что первое приходит в голову. Рука сама выводит буквы...

Коан «Близнецы»

Какая-то женщина в строгом костюме с улыбкой рассказывала новости; следующий канал —

Человек смотрит на свое отражение в озере. И ведет с ним диалог. Мимо проходят сиамские

природа, маленькое озеро с мутной водой, по которой плывут несколько крестьянских лодок.

близнецы, сросшиеся телом.

Следующий показывал кухню. Женские руки резали овощи. Еще один клик пультом – телемагазин.

– Посмотри, как сильно он любит себя! Он красив! – произнес первый близнец.

Довольные лица счастливых обладателей супершвабры. Клик, лицо мужчины в военной форме.

– Да. И он так одинок, он разговаривает сам с собой. Мы же всегда вместе, мы в любую минуту

В кадре появляется еще один. Они совещаются. В окопах солдаты непрерывно стреляют в можем поговорить, – заметил второй.

неприятеля. Взрыв. За ним другой. Настала очередь танков. «Клик», пекинская опера, мужчина

– Только мы уродливы.

уходит за кулисы; клик, концерт; клик, новости; клик, кухня; кино; телесериал, погода, танки,

На что человек отвечает:

швабры, женщина режет зелень...

– Я более уродлив, чем вы. У меня тоже есть близнец, с которым я разговариваю, только он живет во мне.

Вечером ко мне зашли Денис и Роксана. И пригласили на ужин. Я, не задумываясь, согласился – хватит с меня одиночества, сегодня я пресытился своими мыслями сполна. Пора с кем-нибудь поделиться своими рассуждениями.

За ужином Роксана страстно рассказывала о сегодняшнем дне, а главное, о магазинах, в которых «все так дешево!». Денис же поделился замечаниями по поводу красоты азиатских женщин: «Из нескольких тысяч, которых сегодня встретил, всего три красивых и две ничего. Как я буду здесь жить, даже и не представляю?» После этого потянулись слова сожаления, что я зря не пошел с ними и, наверняка, бездарно провел этот день, лежа в кровати. На что мне захотелось поделиться вымученным мною коаном – квинтэссенцией моего дня. Правда, я его решил оставить на конец нашей сегодняшней встречи, как некую пикантную изюминку.

Когда, закончив ужин, пришло время выпить кофе, я начал рассказ.

Повисла тишина. Сказать что-нибудь об услышанном никто не хотел. Да, с виду она кажется лишенной всякого смысла. Но если человек испытал то же что и я, если он мучится этим вопросом, то для него понять коан не составит никакого труда. Поэтому я одним глотком допил кофе, встал из-за стола и, попрощавшись, оставил Дениса и Роксану в недоумении, гадать, что я хотел сказать им этой историей.

Глава 5

Вторник рабочей недели в самом разгаре. После насыщенных выходных потянулись обычные будни. Предстояла тяжелая работа – создание фирмы с нуля в чужой стране. В Италии все было по-другому. Это достаточно крупная компания, в которой трудится не одна сотня человек; с богатой историей, насчитывающей не одно десятилетие; наработанными знаниями в области виноделия; гибкой структурой управления и преданными сотрудниками, многие из которых так тесно связали себя с миром вина, что всю жизнь проработали в этой фирме. За свою долгую историю существования компания настолько органично слилась с экономикой региона и успела закрепиться в сознании людей, что стала хоть и не большой, но неотъемлемой частью Италии. И если представить компанию оливковым деревом на родной итальянской земле, где его выращивали, оберегали словно ребенка, то теперь оно выросло и приносит сочные плоды. Китайская земля чужая для этого дерева, и задача этой группы людей здесь, в Китае, заключается в том, что они должны сделать все, чтобы это дерево прижилось, а это значит органично влиться в китайскую бизнес-структуру и занять нишу на рынке вина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.